

СИТУАТЕМА ДРЕВНЕРУССКОГО ГЛАГОЛА «ПЕРЕСТОЯТИ» КАК ПРИМЕР РЕАЛИЗАЦИИ КОНСИТУАТИВНОГО ТИПА ПОЛИСИТУАТИВНОСТИ

Дементьянова А.М.¹

¹ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», Кемерово, Россия (650043, Кемерово, ул. Красная, 6), e-mail: anna-d78@mail.ru

В статье с помощью метода полиситуативного анализа исследована глубинная семантическая структура древнерусского локативного глагола «перестояти». Семантическая структура глагола представлена в виде ситуатемы. Ситуатема глагола содержит ядерные и периферийные компоненты значения. Ядерные, эксплицитные, компоненты значения попадают в коммуникативный «фокус», выражены формально, периферийные, имплицитные, компоненты скрыты, формально не выражены. В имплицитную зону содержательной структуры глагола могут входить ретроспективные, проспективные и параллельные ситуации. Для определения реализуемого типа полиситуативности были перечислены и описаны ситуации-пропозиции, входящие в структуру ситуатемы рассматриваемого глагола. Тип полиситуативности определяется с учетом трех параметров: отношения к временной оси, способа «упаковки» полиситуативности и способа формальной «упаковки» полиситуативности. Конситуативность является одним из самых распространенных типов полиситуативности.

Ключевые слова: полиситуативный анализ, ситуатема, тип полиситуативности, конситуативность.

THE SITUATEME OF OLD RUSSIAN VERB «ПЕРЕСТОЯТИ» AS AN EXAMPLE OF THE IMPLEMENTATION CONSITUATIONAL TYPE OF POLISITUATIONAL

Dementyanova A.M.¹

¹Kemerovo State University, Kemerovo, Russia (650043, Saratov, Krasnaya street, 6), e-mail: anna-d78@mail.ru

In this article we use the method of polisituational analysis for exploring the depths of the semantic structure of Old Russian locative verb «перестояти». The semantic structure of the verb is presented in the form of situateme. The verb situateme contains nuclear and peripheral components of the value. Nuclear, explicit, component of value fall within the communicative "focus", expressed formally, peripheral, implicit, hidden components are not formally expressed. In the area of implicit content structure of the verb may include retrospective, prospective and parallel situations. To determine of the implementing type of polisituational were listed and described the situation-propositions included in the structure under consideration situateme verb. The type of polisituational determined on the basis of three parameters: the relationship to the time axis, the mode of "packing" polisituational and a way of formally "packing" polisituational. Consituational is one of the most common types of polisituational.

Keywords: polisituational analysis, situateme, type of polisituational, consituational.

Традиционная семантика рассматривает лексическое значение слова как однослойную структуру, лишенную внутренней синтаксической организации, современная же семантика «выделяет в языковом значении несколько разных слоев смысла – пресуппозиции, ассерции, модальные рамки, рамки наблюдателя» [1], каждый из которых имеет внутренний синтаксис. Поэтому описание имплицитных, скрытых зон является важным для понимания полного значения слова или предложения.

Настоящее исследование опирается на идею сокровенных смыслов [2], пресуппозиций [8], расширение семантики [6] и включение в значение слов и синтаксических конструкций все большего объема смыслов, чем отмечено в лексикографии. Методика расписывания семантики позволяет вскрыть и показать глубинные смыслы. Исследовательское внимание не ограничивается значением слова, вскрываются не только очевидные смыслы, но и

коммуникативные: рассматривается слово в тексте, в контексте, с коммуникативными импликациями.

Целью данной работы является выявление принципов организации семантической структуры локативного глагола «перестояти» в древнерусском языке (контекст для глагола взят из «Повести временных лет») методом полиситуативного анализа и описание конситуативного способа «упаковки» ситуаций в структуре значения данного глагола. Метод полиситуативного анализа, автором которого является Н. Б. Лебедева, подвергает исследованию глубокий уровень денотативной семантики. Категория полиситуативности рассматривается в качестве «универсальной, глобальной категории, охватывающей не только лексику, но и грамматику, а лексику не только признаковую, но и предметную» [7]. Язык, являясь средством передачи мысли, выполняет функцию «упаковки» знаний о мире. Стремясь отразить сложность устройства мира, язык может быть представлен как полиситуативное пространство.

С полиситуативным фрагментом действительности соотносится, прежде всего, глагол в силу метонимической природы его семантики. Е. С. Кубрякова пишет о метонимичности семантики глагольной единицы так: «именно метонимические переходы и метонимические трансформации лежат в основе номинации глаголом целой ситуации» [5]. При анализе семантики глагола «перестояти» мы используем термин «ситуация», который понимается Н. Б. Лебедевой, вслед за другими исследователями, как «своеобразная единица членения и описания реальной, окружающей нас действительности» [3]. Универсальность категории ситуации заключается в том, что она может быть выражена разными языковыми единицами (грамматическими, морфемными, словообразовательными, лексическими, синтаксическими, текстовыми). Так, рассмотрение языка в ситуационно-событийном аспекте выходит на проблематику языковой картины мира, языкового сознания, русской языковой ментальности и других актуальных для современной лингвистики направлений.

Для данного исследования важным является то, что одна лексическая единица или синтаксическая конструкция со значением локативности может выражать полиситуативные фрагменты действительности наравне с целыми текстовыми структурами, план содержания единиц с локативным значением представляет собой «полиситуативный, полисобытийный, полипропозициональный комплекс» [7]. Н. Б. Лебедева называет свой подход ситуативно-событийно-пропозициональным: «ситуативный – т.к. он отражает наше видение динамического фрагмента мира как смену ситуаций. Событийный – т.к. в ситуации может быть несколько событий разного масштаба <...>, и наконец, события и ситуации имеют пропозициональную структуру» [7].

Основной операционной единицей является «ситуаема» – «особая структура, состоящая из комплекса ситуаций, имеющих статус как конвенциональных, так и имплицативных элементов плана содержания глагольной единицы» [7]. Ситуаема может содержать лексикализованную ситуацию, ретроспективные, проспективные и параллельные ситуации. Лексикализованный уровень подразумевает анализ объема экстралингвистической реальности, который ассоциируется с данной лексемой. Это – ядро ситуаемы, ассертивная (утвердительная) часть значения слова, составляющая его смысловой центр. Все, что не входит в лексикализованную ситуацию, входит в имплицитную зону ситуаемы.

Микроуровень (м-ситуации) включает ситуации, фазы, мельчайшие единицы смысла, которые входят в состав структуры лексикализованной ситуации. Фазы действия на этом уровне рассматриваются как микроситуации, а их смена – как микрособытия.

Имплицативные смыслы (имплицитные смыслы, импликации) противопоставляются эксплицативным (экспликациям) как не выраженное явно, формально – явному и формально выраженному. Понятие пресуппозиции вошло в лингвистический обиход во второй половине XX века и выдвинулось в число важнейших категорий синтаксиса и семантики, оно является одним из основных для настоящего исследования, поскольку для изучения глубинной семантической организации локативных конструкций и построения структур их ситуаем важны неассертивные компоненты значения.

Н. Б. Лебедева рассматривает большую пресуппозитивную зону как часть имплицитности, которая включает ретроспективные, параллельные и проспективные аспекты. Полиситуативный анализ глубинной семантики позволяет выявить и расписать максимальное количество импликаций в структуре ситуаемы, «имплицативного потенциала» (термин Кустовой) слова.

В данном исследовании выявляются все виды импликаций при проведении анализа конструкций с пространственным значением для того, чтобы вскрыть количество и соотношение пропозиций, входящих в структуру полиситуативных комплексов этих конструкций. Импликации показаны в их внутренней связи и в связи с ассертивными компонентами смысла в структуре ситуаемы.

Имплицитные ситуации микроуровня выделяются тогда, когда взгляд исследователя, как под микроскопом, рассматривает наполнение обобщенной ситуации, включающей множество более мелких гетерогенных (неоднородных) микроситуаций. Потенциально исследователь всегда может спуститься на этот уровень микроситуаций в зависимости от своих целей, поскольку почти все глаголы имеют эту семантическую перспективу. В данном исследовании мы рассматриваем микроуровень для того, чтобы подчеркнуть глубину полиситуативного комплекса древнерусских локативных глагольных конструкций.

Макроуровень (М-ситуации) составляют смежные, сопутствующие или конситуации, которые связаны с лексикализованной ситуацией разными типами отношений: логическими, временными, модально-модусными.

Таким образом, лексикализованная ситуация вместе с включенными в нее микроэлементами является ядром ситуатемы, а макроситуация – периферия, которая может включать ретроспективные (ретро-ситуации), проспективные (проспект-ситуации) и параллельные ситуации. Соответственно, ретроспективные ситуации предшествуют лексикализованной ситуации, проспективные ситуации – «идут вслед» за ней на временной оси, а параллельные ситуации происходят одновременно в лексикализованной.

Для настоящего исследования важна направленность временного вектора ситуатемы (временная ось), темпоральность является самой важной категорией, смежной с локативностью, выявление ретроспективных, параллельных и проспективных ситуаций происходит в зависимости от времени протекания события. Примечательно, что в пропозициях ситуатемы также может быть несколько временных одинаково или разнонаправленных осей.

В стандартной модели мира предполагается перемещение внутри пространства с учетом трех элементов: исходной точки, конечной точки и пути (траектории, которую проходит субъект движения и которая соединяет две точки). А в языковой каком-либо элементе (например, «путь») может не быть, он может оказаться «не в фокусе», неопределенным, неакцентированным. Проведение полиситуативного анализа способно вскрыть эти невидимые элементы связи между ними, их участников. Понятие полиситуативности дает представление об особом свойстве семантики языковых единиц, «под которой понимается членимость ситуации на подситуации, их дискретность (сегментируемость, квантируемость), их порядковость, а также фазисность» [7].

Методика полиситуативного анализа представляет собой предложенную Н. Б. Лебедевой типологию полиситуативности, содержащую следующие параметры: 1) отношение к временной оси, а именно таксисные отношения внутри полиситуативного комплекса, соотнесенность ситуаций во временном плане; 2) способ «упаковки» полиситуативности, который включает степень выделенности сегментов микроситуаций, характер структуризации полиситуативного денотата (равноправны ли ситуации или же имеется обобщение более мелких ситуаций, гомогенных или гетерогенных), коммуникативный статус микроситуаций (ассерции, пресуппозиции, имплицатуры, слабые, фоновые компоненты); 3) способ формальной «упаковки» полиситуативности. На собственно языковом уровне представленность предикативного полиситуативного денотата

может различаться формальной выраженностью, а именно лексическим, морфемным, грамматическим, синтаксическим, комбинированным способами.

Анализ с учетом трех вышеперечисленных параметров позволяет представить семантическую структуру локативного глагола в виде ситуатемы, раскрывающей количество и характер пропозиций, включенных в значение глагола.

Так, на основе этих признаков выделяется четыре основных типа полиситуативности: конситуативность, длительность, сегментированность, квантификация [7]. В данном исследовании мы останавливаемся только на конситуативности, которая представляет собой такой тип полиситуативности, при котором «семантика высказывания дает нам знание не только о ситуации, непосредственно ею описываемой, но и о некоторых других, тем или иным образом сопутствующих» [4]. Конситуативность проявляется в содержательной структуре, которая соотносится с лексемой, есть в локативной синтаксической конструкции. Одни ситуации находятся в ассертивной части, а другие – «за кадром». Ситуации располагаются в виде полевой структуры с ядром и периферией. Конситуативность может быть последовательной, когда ситуации идут друг за другом на временной оси, и параллельной, когда ситуации существуют одновременно.

Обратимся к фрагменту текста «Повести временных лет» (ПВЛ): «Придоша в городъ и рекоша имъ людье: По что губите себе? Коли можете перестояти нас?» (Пришли [печенеги] в город, и сказали им люди: «Зачем губите себя? Думаете, сможете перестоять нас?») [ПВЛ].

Позиционные глаголы обозначают действие, которое субъект совершает, не передвигаясь в пространстве, позиционные глаголы относятся к основному фонду лексики, они обозначают наиболее освоенные базовые ситуации, состояния, и на основе семантической модели их исходных значений происходит освоение и номинация новых типов ситуации [6]. Сочетания во главе с таким глаголом имеют глубокую семантическую структуру. Ученые отмечают, что в семантике глаголов стоять, сидеть, лежать есть некоторые нелокативные компоненты, дополнительно характеризующие положение в пространстве, в том числе и человека. Между тем, большинство локативных ситуаций с неодушевленными объектами различаются в русском языке именно благодаря этим дополнительным нелокативным компонентам в семантике позиционных глаголов.

В сочетании с приставками эти глаголы приобретали разные значения: так, глаголы стоять, сидеть, лежать в русском языке донационального периода значительно шире, чем в современном языке употреблялись в значениях «располагаться, находиться, пребывать, жить где-либо. Если в субъектной позиции употреблялись одушевленные существительные, глаголы съдѣти и лежати могли реализовывать значение «находиться, пребывать в каком-

либо месте». С приставкой об- (о-, объ-, оби) глаголы стояти, съдѣти, лежати приобретают значение «быть, находиться вокруг чего-то, кого-то». Когда эти глаголы управляют существительными, обозначающими города, они реализуют значения «осаждать», поскольку войска неприятеля располагались вокруг города обычно с целью осады.

Позиционные глаголы в древнерусском языке, как и в современном русском, оставляют большой пласт лексики и частотны в употреблении.

На лексикализованном уровне первой ситуацией, выраженной на понятийном уровне пропозицией, является локативная ситуация местонахождения (печенеги окружили город и встали), эта ситуация эксплицитна, формально она выражена глаголом «перестоять», маркирована.

Вторая ситуация жизни и жизнедеятельности выделяется на микроуровне, она является имплицитной и метонимически связана с первой локативной ситуацией. Этот микроуровень состоит из множества гетерогенных ситуаций (приготовление пищи, общение, сон, подготовка оружия, болезни, военные действия, ведение переговоров и т.д.), выделяемых в масштабе микроуровня.

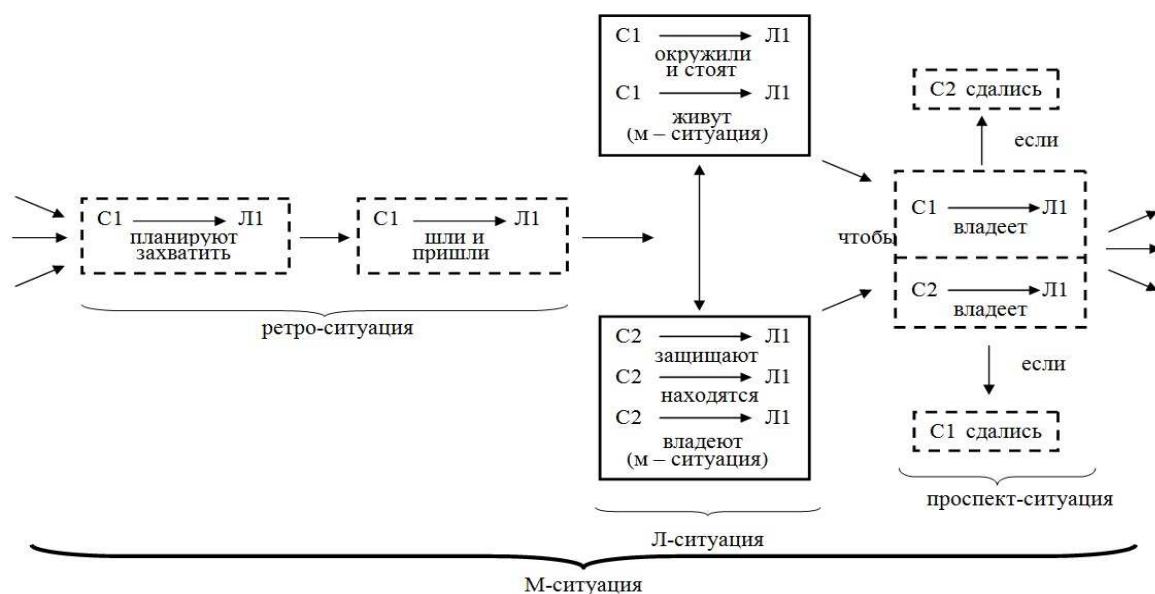
Третьей ситуацией является параллельная первой локативная ситуация русских людей (русские находятся в городе). Эта ситуация углубляется до микроситуаций: четвертая – микроситуация – ситуация жизни и жизнедеятельности людей в городе, пятая микроситуация – посессивности (русские владеют городом, который они защищают). Ситуации локативности печенегов и русских являются параллельными, так как оба войска стоят по разные стороны города и ждут, когда войско противника сдастся. Ситуации расположены одинаково на оси времени.

В масштабе макроуровня выделяются ретроспективные имплицитные ситуации: ситуация планирования захвата, локативная ситуация (воины переместились из одного пространства в другое, пришли к городу).

В проспективной зоне выделяется три параллельные ситуации, две из которых взаимоисключают друг друга. Основная проспективная ситуация – ситуация посессивности (печенеги/русские владеют городом). Эта ситуация наступит при условии реализации еще одной из двух ситуаций: «одно из войск сдастся».

Важно отметить, что рассматриваемая ситуатема является и ретроспективно, и проспективно направленной. В имплицитной пресуппозитивной зоне всех ситуаций-пропозиций данной ситуатемы находится бытийная ситуация: «все субъекты и локус есть, существуют». Представим структуру рассмотренной ситуатемы в виде схемы.

Схема 1. Структура ситуатемы глагола «перестояти»

На схеме приняты следующие условные обозначения: субъект (С), локус (Л), объект (О), лексикализованная ситуация (Л-ситуация), микроситуация (м-ситуация), макроситуация (М-ситуация), перспективная ситуация (перспектив-ситуация), направление временной оси показано горизонтальной стрелкой.

Эта ситуатема представляет собой смешанный тип конситуативности: параллельная конситуативность проявляется в наличии параллельных ситуаций, последовательная конситуативность – в том, что ретроспективные, лексикализованные и параллельные ситуации расположены последовательно на временной оси в макромасштабе, а квантификация проявляется в микроситуациях жизни и жизнедеятельности.

Метод полиситуативного анализа позволяет охарактеризовать семантику глагола по различным параметрам: определить статус участников ситуаций, включенных в содержательную структуру слова, проследить смену ролевых функций; определить реализуемый тип полиситуативности. Рассмотрение ситуатем в масштабе макроситуации позволяет исследовать глагольную семантику в динамике.

Таким образом, ситуатема глагола «перестояти» в древнерусском языке, рассмотренная с использованием этой методики, по типу «упаковки» ситуаций представляет собой конситуативность: все ситуации формально представлены одной лексемой. Ситуации, о которых сообщает глагол «перестояти», имеют разный коммуникативный статус, являются ядерными и периферийными и находятся в разных отношениях друг с другом – параллельных и последовательных. Отдельно необходимо отметить, что ситуатема имеет динамический характер, поскольку каждой фазе процесса соответствует некоторое состояние его участников.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Известия АН Серия литературы и языка. – 1999. – Т. 58. - № 4. – С. 39-53.
2. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 156-250.
3. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 356 с.
4. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / В. Б. Касевич. – М.: Наука, 1988. – 309 с.
5. Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Модели действия. – М.: Наука, 1992. – С. 84-90.
6. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
7. Лебедева Н. Б. Полиситуативный анализ глагольной семантики/ Н. Б. Лебедева. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 192 с.
8. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464с.
9. Слюсарева Н. А. проблемы лингвистической семантики / Н. А. Слюсарева // Вопросы языкознания. – № 5. – 1973. – С. 13-23.

Рецензенты:

Лебедева Н.Б., д.фил.н., профессор кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.

Голев Н.Д., д.фил.н., профессор кафедры русского языка Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.